
В. А. ИВАНОВ, С. В. ГРОЗДИЛОВ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Справедливость – это не только нравственная категория, как принято считать, но и элемент содержания социально-экономических и политических отношений и требований их сохранения или изменения. Официальным орудием ее обеспечения считается позитивное право, которое само далеко не всегда справедливо. В соотношении справедливости и права обнаруживается, таким образом, противоречие – противоречие между правом как естественно-социальным явлением и юридическим, или позитивным, правом.

Ключевые слова: общество, социальные отношения, правовое сознание, справедливость, право, закон, норма.

Справедливость находит свое специфическое выражение во всех социальных отношениях и является, хотя подчас и в недостаточной мере, объектом внимания всех соответствующих отраслей знания, будь то этика или психология, экономика или политика. Не в меньшей, а еще в большей мере проблема справедливости является объектом внимания всех проявлений правового сознания: и естественно-социального и позитивного права, и правовой психологии и идеологии, а также и юридических наук, теоретизирующих, не выходя из-под контроля идеологии господствующего класса, по поводу моделирования новых вариантов позитивного права, поиска более справедливых форм или иногда, напротив, по поводу противоположности справедливости и права.

В политически организованном классовом обществе основным регулятором, инструментом и орудием в руках государственного аппарата, посредством которого он регламентирует все социальные отношения, является юридическое право. С содержанием юридическое право. С содержанием юридических законов и их применением наиболее тесно и сопряжена та форма справедливости в социальных отношениях, которая признается и осуществляется в реальности господствующим классом и его государственной машиной. Естественно, что именно юридическое

право и должно, как отмечает М. Э. Морозов, «обеспечивать достижение справедливого результата в юридическом пространстве. Применение иных регуляторов в этой сфере возможно весьма в ограниченной степени»¹.

Позитивное право утверждает и служит осуществлению определенного варианта справедливости в объективной социальной действительности на основе использования государством своего властного ресурса, методов силового принуждения. Мораль, как уже отмечалось, «устремлена к тому, чтобы идеалы справедливости и добра воздействовали на человека преимущественно изнутри, при помощи стимулов сознания и общественного мнения. Право же – преимущественно регулятор внешний, призванный делать это через установление формально-определенных, писанных норм, подерживаемых властью»². Поэтому естественно, что большинство научно-теоретических публикаций в специальной литературе, анализирующих проблему справедливости, посвящено исследованию ее соотношения с правом. Причем авторство значительной части этих работ принадлежит представителям юридических наук.

Если связь права и справедливости однозначно фиксируется, за исключением незначительного меньшинства, практически всеми авторами, касающимися этой проблемы, то в ответе на вопрос, какова же она, эта связь, в чем заключается специфика проявления проблемы справедливости в сфере ее отражения правовым сознанием, или в ответе на вопрос, сформулированный А. Ф. Черданцевым: «...где она, справедливость – до права, над правом, под правом, в праве или это само право?»³, авторы соответствующих исследований не столь единодушны⁴.

Сторонники отрицания необходимости установления положительной зависимости справедливости в общественных отношениях от права ссылаются на то, что справедливость относительна, даже иррациональна и поэтому является, по их мнению, не правовым понятием, а лишь морально нравственным требованием и находит-

¹ Морозов М. Э. Право как фактор достижения справедливости в юридическом пространстве. – Новосибирск, 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://arbitrage.ru/index.php?option=com_coitent&task=view&id=74&Itemid=34 (дата обращения: 23.01.09).

² Алексеев С. С. Философия права. – М.: Норма, 1998. – С. 56–57.

³ Черданцев А. Ф. Социалистическое право и справедливость // Справедливость и право. Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Изд-во СЮИ, 1989. – С. 5.

⁴ Мы не пытаемся решить за юридическую науку проблему соотношения справедливости и права. В нашу задачу входит лишь определение специфики проявления проблемы справедливости в сфере правового сознания.

ся за пределами юриспруденции. Попытки связать право и справедливость в этой трактовке приводят якобы только к теоретическим трудностям и к смешению права и правовой теории с моралью. Эта точка зрения на проблему соотношения права и справедливости представлена, например, в работах представителей юридического позитивизма XIX в. Дж. Остина, а затем Г. Кельзена⁵, которые считали, что категория «справедливость» имеет право на существование, но не в пределах позитивного права или правовой теории, не связанных якобы ни с какими идеалами, ни с какой идеологией, а лишь исключительно в рамках морали. С. А. Муромцев, представитель российской юридической науки XIX в., рассматривая соотношение справедливости и права, утверждал, что «в своем наиболее резком очертании право и справедливость представляются нашему сознанию именно как два понятия, противоположных одно другому», а в случае реализации идеала справедливости в праве, «когда идеальное становится реальным» и противопоставление справедливости и права теряет свое значение, мы получаем право, гармонирующее с требованиями лишь «вчерашней справедливости»⁶.

Более распространенной является точка зрения, согласно которой право неотделимо от справедливости и тождественно ей. Она восходит еще к философии Сократа и его последователей и находит свое выражение в римском праве в виде положения, согласно которому «право означает то, что всегда является справедливым»⁷. Сведение права к справедливости характерно и для сторонников теории естественного права. Так, Т. Гоббс называл справедливость естественным законом⁸. «Право, – утверждал Г. Гроций, – означает не что иное, как то, что справедливо, при этом преимущественно в отрицательном, а не в утвердительном смысле, так как право есть то, что не противоречит справедливости»⁹. Сторонники психологической школы права предложили свой вариант отождествления

⁵ См.: Лейст О. Э., Остин Дж. Возникновение юридического позитивизма. Лекции о юриспруденции, или философия позитивного права // История правовых и политических учений / под ред. О. Э. Лейста. – М.: Юридическая литература, 1997; Кельзен Г. Чистое учение о праве. Вып. 1. – М.: ИНИОН АН СССР, 1987.

⁶ Муромцев С. А. Право и справедливость: сб. правопведения и общественных знаний. – СПб., 1893. – С. 8–9.

⁷ См.: Дигесты Юстиниана: в 8 т. Кн. 1–4. (Д.1.1.11) / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М.: Статут, 2002.

⁸ См.: Гоббс Т. Левиафан. Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1991. – Т. 2. – С. 109.

⁹ Гроций Г. О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994. – Кн. 1, гл. 1, § 3. – С. 68.

права и справедливости. Так, например, представитель этой школы Л. И. Петражицкий считал, что справедливость есть не что иное, как интуитивное право¹⁰.

Работы современных представителей юридической науки на первый взгляд создают впечатление большого разнообразия точек зрения на соотношение справедливости и права. Справедливость характеризуется теми или иными авторами то как свойство права, то как его качество (понятия эти нередко не различаются), то как функция права, то как система требований по отношению к праву, то как принцип права, то как результат правовой деятельности. Нередко между правом и справедливостью просто ставится знак равенства, а кто-то склонен характеризовать справедливость как сущность права. Иные считают право формой реализации, воплощения справедливости. При этом нередко право может отождествляться с законом. Справедливость в социальных отношениях в таком случае видят в неукоснительном соблюдении требований юридических законов – субъективно устанавливаемых государственных норм. Закон может и противопоставляться праву, и рассматриваться как лишенный справедливости – неправовой.

Наиболее ярким примером откровенного и настойчивого отождествления справедливости с правом может служить позиция академика В. С. Нерсесянца, который вообще отказывается категории «справедливость» быть понятием идеально-нравственным или религиозным. «...Справедливость входит в понятие права, ...право по определению справедливо, а справедливость – внутреннее свойство и качество права, категория и характеристика правовая, а не неправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т. д.)... Более того, только право и справедливо», – утверждает В. С. Нерсесянц. По его мнению, «какого-либо другого принципа, кроме правового, справедливость не имеет», а если признается, что «справедливость исходно представлена в том или ином неправовом (социальном, политическом, религиозном, моральном и т. д.) начале, правиле, требовании», то тем самым, согласно его логике, якобы признается несправедливость права¹¹. Саму постановку вопроса о справедливости или несправедливости права он считает неуместной, «поскольку оно (уже по понятию) всегда справедливо и является носи-

¹⁰ См.: Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. Соч.: в 2 т. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1910. – Т. 1.

¹¹ Нерсесянц В. С. Философия права. – М.: Норма, 2000. – С. 31.

телем справедливости в социальном мире... Справедливо то, что выражает право, соответствует праву и следует праву. Действовать по справедливости – значит действовать правомерно...»¹². Возможность существования несправедливого права в этой трактовке исключается.

Специальный анализ индивидуальных точек зрения не входит в нашу задачу. В целом при использовании философских категорий наблюдается смешение свойства и качества, свойства и части, части и сущности, части и целого и т. п.¹³ Многообразие точек зрения на рассматриваемую проблему в значительной мере оказывается видимостью и сводится нередко просто к различиям в расстановке акцентов: кто-то, говоря о справедливости, в большей мере делает упор на понятие «свойство», кто-то – на понятие «функция», кто-то – на понятие «сущность», а кто-то – на понятие «принцип» и т. д. Результат логических построений значительной части авторов оказывается фактически общим: метафизическая абсолютизация каких-то отдельных проявлений приводит к сведению справедливости к праву, к выводу об их тождестве. Следует отметить и наличие более диалектических вариантов подхода к данной проблеме. Так, например, О. В. Мартышин вполне справедливо отмечает, что «отождествление только права со справедливостью, поглощение справедливости правом представляется произвольным и в высшей степени сомнительным»¹⁴. Не только сомнительным, но просто неверным – как будто не существует проблемы социально-экономической и политической справедливости, которая далеко не всегда может покрываться и решаться с помощью правовых норм. И в социально-экономических, и в политических отношениях можно действовать, не нарушая нормы права и не считаясь с несправедливостью этих действий и их результатов. Не всегда и не все правовые нормы нуждаются в определении их справедливого содержания. Факторы, формирующие содержание справедливости, по

¹² Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. – М.: Норма, 1999. – С. 65–67.

¹³ См.: Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1980; Черненко А. К. Право как справедливость: ступени познания // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 1; Мальцев В. В. Введение в уголовное право. – Волгоград, 2000; Рагузина О. В. Гуманизм и справедливость юридической ответственности в публичном и частном праве: дис. ... канд. юр. наук. – Саратов, 2001; Арндаренко А. В. Принцип социальной справедливости в уголовном праве Российской Федерации (теоретико-правовые аспекты): монография. – М.: Юнити-Дана, 2009.

¹⁴ Мартышин О. В. Справедливость и право // Право и политика. – 2000. – № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://ww.v.zakon.kz/203667-spravedlivost-i-pravo.html>

сути, зависят от исторических форм, условий местности, экономических отношений и политико-правовых норм в обществе, которые делают ее неким стабилизатором. Это означает, что правовая справедливость должна адекватно отражать конкретную историческую, экономическую и политическую ситуацию, причем соответствовать ментальным установкам данного общества и требованиям реального времени.

«Неверно отождествление права и справедливости, – считает М. Э. Морозов, – так как сущность права не исчерпывается идеей справедливости. Справедливость нельзя рассматривать как право в целом, а только как один из его принципов... Право – это один из инструментов для реализации идеи справедливости, но само наличие справедливого права еще не гарантия ее достижения, поскольку регулирование человеческих отношений не исчерпывается правом...»¹⁵. Нельзя сводить право к справедливости, а справедливость – к праву, это пересекающиеся, но не совпадающие понятия. Законно принятые решения могут быть очень даже несправедливыми, а справедливые – незаконными. Достижение справедливости, по мнению Морозова, вполне соответствующей объективному положению дел, – это для права менее существенная функция по сравнению с его регулятивной и охранительной функциями.

Сторонники «поглощения» справедливости правом не могут, конечно, тоже игнорировать наличие несправедливых норм юридического права и откровенно несправедливых судебных решений. Логическим выходом из данного противоречия или его решением в таком случае считается разделение и даже противопоставление понятий «право» и «закон», которое может приводить и к выводу о несовместимости права и закона¹⁶. Если проблему соотношения права и справедливости, чаще всего в виде их отождествления, можно выделить в качестве одной из наиболее значимых особенностей проявления проблемы справедливости в сфере юридических наук, то в качестве второй, очень даже значимой, особенности предстает проблема соотношения права, закона и справедливости. Сторонники «поглощения» справедливости правом считают справедливость основой любого законодательства. Но законы довольно

¹⁵ Морозов М. Э. Право как фактор достижения справедливости в юридическом пространстве [Электронный ресурс]. URL: <http://arbitrage.ru/index.php?option=comcontent&task=view&id=74&Itemid=34> (дата обращения: 23.01.09).

¹⁶ Фомин А. А. Юридическая безопасность – особая разновидность безопасности: понятие и общая характеристика // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 73.

часто не соответствуют справедливости. Они объявляются неправовыми, находящимися за пределами права. Антиподом этой точки зрения выступает мнение, согласно которому закон справедлив и в этом состоит его сущность. Данная точка зрения требует неукоснительного соблюдения закона, беспристрастности в принятии решения о воздаянии в соответствии с буквой закона: пусть закон плох, но это закон, и он должен соблюдаться. Это трактовка, служащая сохранению устойчивости государства и его воспроизводству. Она в наибольшей мере разделяется государственной властью и ее сторонниками.

Юридический закон есть справедливость или справедливость есть закон? Судить по справедливости или по закону? Это давно возникшие и обсуждаемые вопросы. И по сей день они остаются далеко не риторическими.

В настоящее время существует движение так называемого «свободного права»¹⁷, апеллирующего к практике судебного разбирательства, в которой имеет место свобода судебного усмотрения, исходные начала которой следует искать еще в античном обществе. Известно, что в системе римского права содержались правила, позволяющие судье при неполноте и несовершенстве законов руководствоваться справедливостью. «Ибо не будь у человека, так сказать, семени справедливости, не возникло бы ни других доблестей, ни самого государства»¹⁸. И в Англии, например, эта возможность институционализована в специальном самостоятельном «Суде справедливости», которому при необходимости разрешалось выходить за жесткие рамки закрытой системы сложившихся в общем праве прецедентов, и судья мог давать свое решение возникшего вопроса, которое считалось не юридическим, поскольку принималось вне рамок общего права, но отвечавшим требованиям справедливости¹⁹.

Действительно, общество заинтересовано в том, чтобы применялись законы, если они справедливы, и не применялись, если несправедливы. В этом случае судья становится на путь, если можно так выразиться, «свободного поиска справедливого права» за рам-

¹⁷ См., например: Румянцев В. Г. Социологическая юриспруденция в творчестве Р. фон Иеринга, С. А. Муромцева, Е. Эрлиха, Р. Паунда: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – СПб.: СПбГУ, 2002.

¹⁸ Цицерон. О государстве. XXVI, 41.

¹⁹ См.: Tucker P. The Early History of the Court of Chancery // English Historical Review. – 2000. – September. – P. 795.

ками закона, когда конкретные случаи решаются в соответствии с принципами справедливости и принимается решение независимо от закона. Такое решение может быть принято и вопреки закону. Но правовой формализм требует от судей всегда применять нормы права, зафиксированные в виде законов, так как эти нормы являются единственным оправданием их полномочий судить. Если судьи отклоняются от этих норм, значит, они действуют без полномочий и их действия неоправданны.

Кроме того, что не менее важно, в случае «свободного поиска справедливого права», при котором действия судьи не очерчены законодательно, благое намерение может реализоваться в виде своей противоположности. Субъективное мнение судьи – это не очень надежный вариант решения проблемы. Оно может стать средством достижения справедливости, а может стать и средством реализации произвола. Строжайше оформленное и применяемое в соответствии с буквой закона юридическое право может порождать даже диктат несправедливости. Не случайно законы имеют и оговорки, предусматривающие различные варианты смягчающих обстоятельств, сопровождаются подзаконными актами, толкованиями, оговаривающими их применение. И вряд ли можно однозначно ответить на вопрос: чей произвол для общества благоприятнее – произвол законодательной или произвол судебной системы?

Сама по себе постановка проблемы неправового закона как закона, не соответствующего справедливому праву, справедливой правовой системе, не только заслуживает самого пристального внимания теоретиков, но и требует практического решения. Но не потому, что эти законы находятся за пределами права, абсолютно противоположны ему, а именно потому, что они входят в структуру господствующего в обществе права, являются элементами его правовой системы и охраняют несправедливые отношения в обществе.

Между правом и законами нет, конечно, абсолютного совпадения. Право шире всей совокупности законов. Кроме санкционированных государством правовых норм существует и естественно-социальное право. Право есть объективное отношение, закон же – субъективная форма, сотворенная людьми, то есть «субъективно сформулированное и объективно узаконенное юридическое право становится субъективно применяемой, но объективно действующей»

щей по отношению к индивидам и обществу правовой системой»²⁰. Расхождения между ними не только возможны, но и фактически неизбежны. Но это совершенно не означает, что юридический закон, не соответствующий справедливым объективным отношениям, не является правовой нормой. Любой закон, в том числе и справедливый, является в большей мере средством ограничения прав, чем их предоставления, но и самый несправедливый закон является средством предоставления кому-то каких-то прав.

Довольно ярко проявляющаяся в жизни нашего общества тенденция к несправедливости нашего законодательства заставляет и многих правоведов, и политиков, и рядового человека говорить о несовместимости законов и права. Но это не более чем эмоциональная оценка, в которой выражается отношение к существующему правопорядку. Если исходить из того, что несправедливый закон – это не право, то далее логически следует признать, что в истории общества правопорядка никогда фактически и не существовало, так как несправедливые законы не только всегда были на вооружении у государства, но чаще всего и доминировали.

Г. Кельзен был абсолютно прав, утверждая, что «некоторый правопорядок может считаться несправедливым с точки зрения определенной нормы справедливости. Однако тот факт, что содержание действительного принудительного порядка может быть расценено как несправедливое, еще вовсе не основание для того, чтобы не признавать этот принудительный порядок правопорядком». И в той же степени неправ, говоря, что «норма права не может быть ни хорошей, ни дурной» и что она «либо обладает действительностью, то есть соответствует норме более высокого порядка, либо вообще не существует как норма права». Право же составляет «ценность как раз потому, что оно есть норма»²¹. Предпочтительнее согласиться с мнением Д. Дидро, который считал, что есть два рода законов: одни – безусловной справедливости и всеобщего значения, другие же – нелепые, обязанные своим признанием лишь слепоте людей или силе обстоятельств, изъяс, конечно, из его высказывания «безусловность» справедливости.

Обеспечение принятия только справедливых законов и их справедливого применения должно быть (но это не означает, что такое

²⁰ Иванов В. А., Иванов В. В. О диалектике институтов власти, собственности и права. – Ярославль: ЯГСХА, 2009. – С. 68.

²¹ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. Вып. 1. – М.: ИНИОН АН СССР, 1987 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1146>

положение есть или что оно было, не означает даже и того, что оно гарантировано в будущем) постоянной задачей государства. «Но, – как отмечает М. Э. Морозов, – практически невозможно создать абсолютно справедливый закон, который удовлетворил бы всех людей»²². «Нет закона, который был бы всем по душе», – это отмечал еще Катон Старший. Не только потому, что законы, как считал М. Монтень, часто «создаются дураками, еще чаще людьми, несправедливыми из-за своей ненависти к равенству»²³. Более серьезным основанием невозможности создания абсолютно справедливых законов являются социально-экономические и политические различия в положении социальных групп. Закон, как писал Р. Куинни, «...определен тем, кто доминирует над политическим процессом. Хотя закон, как предполагается, защищает всех граждан, он берет начало как инструмент доминирующего класса и в конце концов поддерживает господство этого класса. Закон служит сильному, но не слабому... Закон используется государством..., которое оберегает и защищает себя»²⁴. Невозможен закон, удовлетворяющий интересы не только каждого отдельного индивида, но даже и интересы всех социальных групп любой эпохи. Любой закон, как уже отмечалось, есть дозволяющее ограничение. И вопрос сводится лишь к тому, что он больше ограничивает – справедливость или несправедливость? Способен ли он низвести несправедливость до минимума, чтобы тем самым создать более благоприятные условия для соблюдения социальной справедливости?

Априори справедливый закон невозможен, но не существует и не существовало априори справедливого права. Все это касается и любой правовой системы. Особенно наглядно это проявляется в особенностях и в действии правовых систем всех классовых обществ, в которых юридическое право занимает абсолютно подавляющее положение в их правовых системах.

Будучи возведенным в закон волей господствующего класса, право концентрирует и выражает экономические, политические и социальные интересы прежде всего данного класса. Санкционированное государственной машиной позитивное, или юридическое, право остается независимо от того, о каком государстве идет речь, орудием его деятельности. Посредством юридического права госу-

²² Морозов М. Э. Указ. соч.

²³ Монтень М. Опыты: в 3 кн. – М., 1981. – Кн. 3. – С. 264.

²⁴ Quinney R. Critique of Legal Order. – Boston, 1974. – P. 7.

дарство придает законную силу тому варианту справедливости, который в наибольшей мере соответствует интересам классов или социальных групп, находящихся у власти. И этот вариант справедливости оно внедряет посредством диктата закона во все сферы бытия общества, представляющие для него хотя бы какой-то интерес. И можно каждый раз, то есть применительно к любому этапу истории, говорить лишь о степени справедливости существовавшего права.

Не свободно существующее позитивное право и от привилегий, отражающих социальную иерархию, от «права сильного». С античных времен звучат сентенции по поводу того, что закон в равной мере должен распространяться и на тех, кто его принимает и применяет. Но тем не менее и в настоящее время «применяется он зачастую не последовательно, не полно и что особенно плохо – избирательно»²⁵. Фактически существует двойное законодательство. Для верхнего слоя правящего класса закон существует на уровне понятия и только понятия. Он издает и изменяет законы для их исполнения нижестоящими. Как говорил итальянский диктатор Муссолини: «Друзьям все, врагам законы», а «если существующие законы будут мешать, это не будет проблемой, мы издадим новые»²⁶.

Все юридические науки находятся под прессом идеологии господствующего класса, задача которой в данном случае и заключается в том, чтобы существующее юридическое право представить как лучшую форму всеобщей справедливости. Теоретическое оформление и хотя и относительная, но логическая стройность, придающие идеологии доказательность, позволяют правящей элите под видом заботы о всеобщем благе утверждать тот вариант справедливости, который в наибольшей мере соответствует сосуществованию ее интересов. На службу этой цели ставятся и юридические науки. И правовая идеология, и юридические науки в нашем обществе широко пользуются такими логическими формами, как «закон для всех», «равенство всех перед законом», «равные возможности», «равные права», «правовое и социальное государство», провозглашают идею свободного, независимого индивида. Но все это остается не более чем словесной маскировкой того, что правовая система работает на интересы тех, кого раньше называли бур-

²⁵ Коновалов А. Народный контроль закона // Российская газета. – 2011. – 23 июня (№ 134). – С. 8.

²⁶ Цит. по: Petacco A. L'uomo dellaprovidenza: Mussolini, ascesa e caduta di un mito. – Milano: Mondadori, 2004. – P. 190.

жуа, а теперь называют работодателями. И правовая идеология, и правовые теории не исключают требования совершенствования правовой системы. Это относится и к теориям, отождествляющим право и справедливость, и противопоставляющим праву неправовой закон. Но и данная постановка проблемы не выходит за пределы рамок господствующей идеологии. Она предусматривает изменения, совершенствование лишь отдельных законодательных актов, исключая качественные изменения правовой и социально-экономической системы, а совершенствовать любой закон можно лишь в связи с другими законами, в связи с существующим правом, за которым уже «закреплено» свойство справедливости.

Противопоставляемое неправовому закону справедливое право – это не более чем идеальный тип. Это принимаемое за факт, но ничем не обоснованное допущение, не имеющее даже абстрактно-логического обоснования, это даже не умозрительная конструкция некоего идеально-справедливого права, а именно допущение его существования в так называемом «юридическом пространстве» и вне его социально-экономического и политического наполнения. Ссылки на естественное право как образец справедливости, как критерий для оценки позитивного права, функционирования законодательной власти и в целом государства несостоятельны, даже если понятие естественного права будет заменено более соответствующим действительности понятием естественно-социального права. Приписывание ему свойства образца справедливости – это не более чем результат поэтизации первобытного дикаря и первобытных отношений.

Формируясь, естественно-социальное право могло основываться только на физической силе, ограничивавшейся лишь необходимостью быть в группе. Эволюционируя вместе с экономическим развитием и изменениями социальной структуры общества, оно лишь в большей мере отражало и отражает интересы угнетаемых социальных групп, чем официальное право, поскольку его «нормы», не имеющие, кстати, четкого выражения, вырабатываются в процессе взаимодействия широких слоев населения, а не внутри господствующего класса. Но доминирующим в классовом обществе является сознание экономически господствующего класса. В широких слоях населения живет надежда «выбиться в люди», что находит свое выражение и в естественно-социальном праве. Многие,

например, сословные привилегии были закреплены и поддерживались лишь силой обычая, а не юридическим правом.

Естественно-социальное право фиксируется преимущественно в правовой психологии социальных групп. Поскольку оно формируется на основе всей практики общественных отношений, в том числе и на основе практики принятия и применения государством юридических норм, соответствующих интересам лишь узких социальных групп, естественно-социальное право способно в большей мере, чем юридическое право, соответствовать социальной справедливости. Несколько преувеличивая сей момент, Д. А. Керимов утверждает даже, что «в процессе общественного развития личность вполне способна выразить и фактически повсеместно выражает социально необходимое куда более сознательно, широко и масштабно, чем это необходимое зафиксировано в правовых правилах поведения»²⁷.

Немаловажное значение имеет тот факт, что в психологии справедливость приобретает действенность, исходящую снизу, от индивидов, а не сверху, от государственных органов. Нарушение закона, который большинством населения воспринимается в качестве справедливого, влечет за собою не только санкции со стороны государства, но и общественное осуждение. Однако доминирующей в естественно-социальном праве является противоположная тенденция, направленная на обнаружение несправедливых законов, нарушитель которых рассматривается «как жертва произвола со стороны властей»²⁸. Оно занимает протестную позицию по отношению к юридическому праву, оно в большей мере сопряжено с поиском справедливости, но тем не менее и оно преследует интересы пусть и более широких, но тем не менее определенных социальных групп, и не может быть гарантией достижения абсолютной справедливости. Как невозможен закон, который удовлетворил бы всех людей, так же недостижимо и абсолютно справедливое право.

Проблема справедливости в системе правовых отношений трактуется неоднозначно, но в любом случае занимает в ней значимое место. Правовое сознание по своей природе содержит в себе тот или иной вариант поддержки идеи регламентации отношений

²⁷ Керимов Д. А. *Философские проблемы государства и права*. – М.: Госюриздат, 1984. – С. 184.

²⁸ См.: Дербин А. П. *К проблеме справедливости в праве (очерк философии права)*. – Минск: Академия МВД РБ, 2004.

между личностью и государством на основе каких-то норм взаимоотношений. И хотя определяются они вариативно, но всегда в связи со столь же вариативно толкуемой справедливостью. При этом все правовые системы, что наиболее ярко проявляется в их идеологическом изображении, должны представить себя в качестве средства обеспечения и образца всеобщей социальной справедливости – и экономической, и политической, и справедливости, проявляющейся во всех других социальных отношениях для всех индивидов всех социальных групп общества.

В силу необходимости обеспечения указанной степени всеобщности:

- справедливость в правовой сфере должна приобрести и приобретает формализованный характер;

- в качестве основного варианта ее реализации выдвигается требование абстрактно-равного отношения всех к чему-либо (или ко всем);

- доминирующее в правовых учениях отождествление права со справедливостью, требование совершенствования действующего юридического права в направлении совпадения с неким идеальным абстрактно предполагаемым правом, вынос за пределы права несправедливых (неправовых) законов фактически обращает систему права к ее моральной оценке;

- большинство вариантов постановки проблемы справедливости в правовых отношениях оказываются в силу поиска ее правовой всеобщей формы оторванными от социально-экономических условий ее проявления.

В системе правовых отношений в форме субъективно определяемых, но законодательно закрепленных и превращенных в объективный фактор регулирования общественных отношений господствующая социальная группа физически утверждает признаваемый ею вариант справедливости в политических и экономических отношениях, стремясь придать ему форму всеобщности. Осуществление этой цели преследует любая система права, а существующее право, в свою очередь, оценивается социальными группами с позиции признаваемой ими политической и экономической справедливости, и в том числе с позиции нравственности его норм.